

Тайна

(Очерк)

Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.

OCR Бычков М. Н.

-- Подсудимый, вы обвиняетесь в том, что 3 декабря минувшего года вы в вашей квартире покушались на убийство вашего родного сына, Николая Холодова, внезапно набросившись на него с ножом, взятым вами тут же, на обеденном столе, причем нанесли ему рану в шею, рану, признанную врачами тяжкой. Признаете ли вы себя в этом виновным?

При первых словах председателя со скамьи подсудимых поднялся сухощавый, незначительного вида старик в черном сюртуке, не блиставшем новизной, но сшитом безукоризненно. Лицо его было бледно, глаза, окруженные мелкими морщинками, смотрели просто, вдумчиво, не выражая ни злобы, ни заметного страдания. У него были короткие реденькие усы и узенькая седая борода. На впалых морщинистых щеках волосы не росли. Голова была острижена очень низко, волосы на ней хорошо сохранились и были почти сплошь черные.

Он откашлялся, несколько раз подряд сдвинул седые, редкие брови и сказал с расстановкой, внятно, но голосом негромким и слегка дрожащим:

-- Признаю себя виновным!

-- Расскажите, как было дело.

-- Так, как рассказано в обвинительном акте. Я ничего не могу ни изменить, ни прибавить!

Сказав это, он сел на свое прежнее место, опустил голову и сложил руки на коленях.

-- Подсудимый, что же вас заставило совершить этот поступок? -- спросил председатель.

Старик медленно, с очевидной неохотой опять поднялся.

-- Я ничего не могу прибавить, -- повторил он поспешно опустился на скамейку. Но председатель еще не кончил свои вопросы.

-- Подсудимый!

Старик опять поднялся и посмотрел на спрашивавшего с укором. Взгляд его как бы говорил: "Зачем вы меня тревожите? Разве вы не видите, что я ничего не хочу сказать!"

-- Подсудимый! Вы имеете право отказаться от дачи объяснений. Итак, вы пользуетесь этим правом и не желаете давать объяснений?

-- Я ничего не могу прибавить! -- в третий раз повторил старик Холодов.

-- Садитесь!

Он сел и тотчас же принял прежнюю позу. Среди присяжных, сидевших напротив, произошло легкое движение. Некоторые из них шептались, взглядывая на старика. В то время, как председатель внимательно смотрел в какую-то бумагу, а секретарь что-то записывал быстрым почерком, в публике повторилось то же движение, что и среди присяжных. Все с любопытством осматривали старика, который, казалось, весь сосредоточился на своих руках, лежавших на коленях, и не обращал никакого внимания на то, что вокруг него делалось. По оживленному выражению лиц всех присутствовавших в зале можно было видеть, что дело с первого же момента сполна завладело общим вниманием. Даже члены суда, сидевшие по обе стороны председателя, обыкновенно, как бы по самому смыслу своей должности, начинающие скучать с той минуты, когда вводят подсудимого, на этот раз разделяли общее оживление.

-- Г. судебный пристав, пригласите свидетеля Налимова!

Старик не переменил позы. Свидетель Налимов -- человек лет тридцати, красавец, с короткими белокурыми кудрями, одет очень изысканно, смотрит весело, почти радостно, и только в тот момент, когда взор его как бы случайно упал на старика, на лице его выразилась жалость.

Свидетель Налимов звучным, приятным баритоном сообщает, что он в семействе Холодова с давних пор был принят как свой человек. Еще когда старик Холодов был учителем в гимназии, он был его учеником; ставши студентом, он давал уроки его сыну, Николаю, а кончив университет, получил